

МЕТОДИКА ГЕНДЕРНОГО ДИСКУРСНОГО АНАЛИЗА (НА МАТЕРИАЛЕ ЭМОТИВНЫХ ТЕКСТОВ ВО ФРАНЦУЗСКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ)

Статья посвящена методике изучения эмотивной письменной речи в рамках гендерной теории. В качестве иллюстрации использования предлагаемой методики в статье подвергаются анализу англоязычные тексты XIX–XX вв., которые послужили эмпирическим материалом для определения внутриязыковых сходств и различий в употреблении аффективов мужчинами и женщинами.

Ключевые слова: мужская и женская речь; эмотивные средства; частотность.

В современном социуме имеют хождения различные, вплоть до противоположных, точки зрения на речевое поведение мужчин и женщин. Представления о мужской и женской речи варьируются от гендерно обусловленных воззрений до взаимодополняющих, именуемых *binding* [1. С. 32]. Так, гендерно обусловленный взгляд на мужскую и женскую речь ориентирован на специфические особенности коммуникативного поведения мужчин и женщин: «мужчины врут, а женщины ревут» [2], «a woman's tongue wags like lamb's tail» («женский язык «пляшет», как овечий хвост» (англ. пословица)), «ou femme у a, silence n'y a» («там где женщина, там нет молчания» (франц. пословица)). Сторонники второй точки зрения, *binding*, декларируют сходство между мужской и женской речью. Представляется, однако, что трудно спорить с тем, что мужчины и женщины по-разному строят свое речевое поведение, поскольку когнитивные механизмы, характерные для *Homo sapiens*, варьируются в соответствии с принадлежностью к тому или иному полу [1]. Так, психологи Аллан и Барбара Пиз утверждают, что «большинство женщин обладают такой организацией мозга, что способны переговорить и перепилить любого мужчину» [2. С. 28]. Всё это обуславливает существующие различия в мужском и женском речевом поведении. В этой связи методология современной гендерной лингвистики, науки, рассматривающей социально-биологическую характеристику «человека говорящего», продолжает пребывать в стадии развития [3].

При этом важно отметить появление «молодого» направления лингвистической гендерологии – изучение мужской письменной речи (см. работы Henton, Caroline; Connors, Robert; Tobin, Lad). На фоне «мужских» и «женских» исследований актуальны и одновременно широко представлены эмоционально-коннотативные аспекты и лексические предпочтения в речи женщин и мужчин [4]. В этом русле проводится и данное исследование. В частности, в настоящей статье предложена методика анализа мужских и женских речевых предпочтений на материале англоязычных и франкоязычных эмотивных текстов, направленная на установление сходств и различий.

При рассмотрении вопросов, связанных с изучением речи, чрезвычайно важным является понятие «коммуникативно-лингвистической (текстовой) нормы» [1. С. 174], под которой подразумевается строгая упорядоченность семантического пространства текста. Смещение в этой упорядоченности ведут к нарушению норм текста. Представляется, что текст, пронизанный эмоциями, подвержен подобным отклонениям на лексико-семантическом и синтаксическом уровнях. Этим не

ограничивается влияние эмоций на вербальное оформление высказывания. Наряду с другими асимметриями нарушается «постулат манеры» [1. С. 164], направленный на непоследовательность логических блоков, примером чего является намеренное нарушение последовательности выстраивания смысловых блоков-глав, как в романе Дж. Фаулза «Дэниель Мартин» (см. подробнее [1. С. 165]). Если нарушения лексико-семантического и синтаксико-стилистического характера учитываются в настоящей работе, то постулат манеры не составляет объекта данного исследования, поскольку отклонение этого параметра в тексте есть технический приём писателя, так называемая кухня адресанта-отправителя, психология его творчества в рамках изучения «живой», непринуждённой, эмоциональной речи персонажей произведения, а также его автора. Анализ теоретических источников по данному вопросу показывает, что для получения объективных результатов должны быть рассмотрены следующие критерии установления сходств и различий в вербализации эмоциональности в английском и французском языках: 1) типология номинаций в средствах вербализации эмоциональности с ингерентными и адгерентными свойствами; 2) частотность использования эмотивных средств; 3) изменение этой частотности в диахронном плане. Иначе говоря, должны быть приняты во внимание нарушения синтагматического и парадигматического характера. Средства вербализации эмоциональности с ингерентными свойствами представляют собой аффективы (междометия, оценочные прилагательные) и коннотативы (интенсификаторы, эмотивы-номинативы, морфологические средства и тропизированные средства (например, метафора, гиперболы и т.д.). Эти эмотивные средства играют важную роль как в создании нарушения «норм качества в тексте» [1], так и в организации «того качества восприятия в тексте, которого добивался автор» [1. С. 164]. В свою очередь, адгерентные средства вербализации эмоций суть нарушения синтагматического отношения в линейной цепи текста, т.е. отклонения от «норм количества в тексте» [1], например параллельные конструкции, инверсии, повторы и т.д.

Важно заметить, что в современной лингвистике эмоций (термин принадлежит В.И. Шаховскому) не существует определённой или устоявшейся классификации средств и способов вербализации эмоциональности в женском и мужском дискурсах, которая могла бы обеспечить снятие трудностей в исследовательских работах лингвокультурологического и сопоставительного направления. При этом на сегодняшний день в лингвистике нет чётко определённого подхода, который можно было бы назвать «гендерным дискурсным

анализом» [4. С. 33]. Стоит заметить, что на начальном этапе изучение вербализации эмоций представляет собой «исследование системы дискурса с иллюстрированием её требований и закономерностей посредством анализа вербального аспекта общего фонда знаний» [5. С. 112], за которым собственно и следует «индуктивный ход исследования: от языковой наглядности к выводам о системе дискурса» [5. С. 112].

Поскольку эмоция суть «феномен внутриспихический» [6. С. 168], то проведение эмпирического анализа сталкивается с рядом трудностей, вызванных специфическими проблемами: влияние неполовых факторов (ситуация общения, возраст, профессия, образование, уровень общей культуры и т.п.). Ещё одним затруднением является определение критериев эмотивного текста, т.к. эмотивным может быть в принципе любой художественный текст. В этой связи методика исследования мужских и женских предпочтений в плане вербализации эмоциональности может включать 6 шагов (вслед за проф. Г.Г. Молчановой [1] считаем целесообразным использовать слово «шаг» как один из этапов анализа языкового материала):

Первый шаг: методом сплошной выборки отбираются отрывки из художественных произведений, причём «женские отрывки» – из произведений писателей-женщин, «мужские отрывки» – из произведений писателей-мужчин. Общая численность «женских отрывков» составила 778 (341 англоязычных и 437 франкоязычных текстов) и «мужских отрывков» – 517 (297 англоязычных и 220 франкоязычных текстов). Таким образом, единицей исследования является текст, представляющий собой высказывания авторов-женщин или женских персонажей, а также авторов-мужчин или мужских персонажей, зафиксированные в художественных произведениях, т.е. под текстом мыслится любое высказывание или последовательность высказываний, принадлежащее одному участнику коммуникации и выраженное графически в виде совокупности предложений. Для исследования выбраны те высказывания, в которых эмоциональная составляющая играет роль доминанты в определении речевого поведения индивида. Критериями отбора послужили: 1) наличие в дискурсе аффективов (e.g.: (1) *Mrs. Bennet: Ah, sir, I do indeed. It is a grievous affair to my poor girls, you must confess. Not that I mean to find fault with you, for such things I know are all chance in this world...* [7. P. 81]. (2) *Madeleine: Oh! oh!... tu n'es pas si bête que je croyais, toi, car tu es serviable, et celui qui a bon cœur n'est jamais sot* [8. С. 25]); (3) *Thank Heaven! When I saw them carry you in, I felt quite sick; I thought that you were done for* [9. P. 145]. (4) *Oh! dans ma famille, on va loin; ainsi, moi, je suis sûr qu'à moins d'accident je mourrais très vieux* [10. P. 65]); 2) лексическое описание эмоциональной кинесики, фонации и просодии (e.g.: (1) «*I didn't*», she **cried recovering her speech**. «*I did nothing deliberately. Well, go, if you please – get away...*» [11. P. 8]). (2) *Mais il faut que tu prennes de vacances! Tu as absolument besoin de repos! s'écria Vanina impétueusement. Tu ne vas pas me faire croire qu'on a besoin de toi à Sacy tout l'été!*... [12. P. 284–285]); (3) «*Well, young feller*», said Michael **heartily, rubbing his hands**, «*do you know what I hear about you? I hear that you're compromising my wife*» [13.

P. 175]. (4) «*Madame Krafft? Qu'est-ce que tu lui veux, à madame Krafft?*» – *continua le domestique, en appuyant ironiquement sur le mot: madame...* [14. P. 76]); 3) использование текстовых графических знаков: восклицательный знак, особенности шрифта (например, курсив), а также другие графические знаки (например, тире или многоточие, часто указывающие на эмоциональные паузы) [15. С. 228] и т.д.

Однако часто «графические средства направлены на передачу чувств, которые писатель сообщает читателю» [15. С. 226] (выделено нами. – *З.И.*), а «пунктуации принадлежит роль в передаче отношения автора к высказываемому, в намёке на подтекст, в подкаже эмоциональной реакции, которую ожидают от читателя» [15. С. 227] (выделено нами. – *З.И.*). То есть графика представляет собой особую систему знаков, предназначенную для хранения и передачи вербального сообщения в виде, «пригодном для зрительного восприятия» [15. С. 242]. Следовательно, графическое оформление высказывания есть «не особый уровень, а особый код» [15]. Тем не менее необходимо подчеркнуть исключительную важность графических средств. Это связано с особенностями визуального (в отличие от слухового) восприятия эмоций. Как известно, именно графические знаки выполняют функцию сигналов о наличии эмоций в письменной речи при отсутствии аффективов, основных знаков эмоций [16], и эмоциональной фонации и кинесики. При этом выявляются определённые тенденции в графическом оформлении эмотивного высказывания, что позволяет оценивать эмотивный текст как «мост между действительностью и *Homo loquens*» [16. С. 186]. Всё это не оставляет ни малейшей доли сомнения о наличии эмоционального регистра в речи.

Наблюдение над графическим оформлением франкоязычных и англоязычных текстов, как «мужских», так и «женских», позволяет установить: эмотивное высказывание характеризуется как разнообразием пунктуационного оформления (тире, многоточие, восклицательные и вопросительные знаки), так и плотностью расположения знаков препинания в пределах одного текста. В этой связи И.В. Арнольд отмечает, что «обычно графические средства направлены на передачу эмоциональной окраски» [15. С. 226]. Однако стилистическая нагруженность различных знаков препинания неодинакова. «Особого внимания заслуживают восклицательный и вопросительный знаки» [15. С. 226]. Впечатляет частотность расположения восклицательных знаков в эмотивных высказываниях. Рассмотрим примеры: (1) *Mor's wife: Five hundred guineas! Well I never!* [17. P. 6]. (2) *Nan: He's taking junior prep! You could have got him of taking junior prep! I never met such a pair of social cowards. You never want to do anything that* [17. P. 6]. (3) *Kate: What do you suppose she ment! Sometimes I think Kate's quite crazy. My own sister and I shouldn't have told her!* [18. P. 94]. (4) *Mrs. Hilbery: Ah, you wretch! What a wicked old despot you were, in your day! How we all bowed down before you!* [19. P. 108]. (5) *Diane: Un docteur! Et tout ce verre! Il va se blesser, il va mourir!* [12. P. 355]. (6) *Oh! Allegra! Tu es impayable! On n'en fait plus comme toi. Un amant!* [12. P. 180]. (7) «*H'llo!*» he said. «*You f'llows, look! There's my young rascal of son!*» [20. P. 26]. (8) *Soames: No ...no*

I wonder! Of course, there's legal separation – we can get that. But separation! Um! [20. P. 32]. (9) *Queul bonheur, oh! quel bonheur!* [10. P. 94]. Наличие в тексте вопросительных знаков также может свидетельствовать о его эмоциональности: e.g. (1) *Miss Carter laughed: «I'd better rely on you instead. Could you please get me all these books? Can I trust you, I wonder?»* [17. P. 36]. (2) *Fifteen pounds a week? You know what our takings are. How can I?..* [13. P. 53]. Но в большинстве случаев в эмотивных высказываниях наблюдается одновременное присутствие как вопросительных, так и восклицательных знаков: e.g. (1) *«Wake up, Rulph! You're half asleep!» Mary cried, turning and pinching his sleeve. «What have you been doing with yourself? Moping? Working? Despising the world, as usual?»* [19. P. 150]. (2) *What could he do to help her? If only his farther were alive! He could have done so much! But why could he not do all that his father could have done? Was he not old enough?..* [20. P. 97].

Кроме того, важную роль выполняют «эмоциональные паузы» [15. P. 228], отмеченные тире или многоточием. Например: (1) *«How wonderfully children observe!» said Miss Carter in an excited tone. «Look at this scene – it's so dramatic. Indeed he could hardly do it without being sentimental»* [17. P. 38]. (2) *They say he's got a boy at Oxford! Why not take young Val down and introduce them! It's an excuse! Less bald – very much less bald!* [20. P. 31].

В эмотивных высказываниях часто наблюдается использование такого средства шрифтового выделения, как курсив. Курсивом выделяется всё то, что «требует необычного усиления (эмфатический курсив)» [15. С. 238]: e.g. (1) *Vera cried out: «Who was that speaking? Where was he? It sounded – it sounded –»* [21. С. 177]. (2) *«And now,» said Sir Henry, «trek!»* [9. С. 67].

В целом, «мужские» и «женские» высказывания могут обладать большим количеством графических эмоциональных знаков. Рассмотрим примеры: (1) *«Nonsense!» cried Catherine in a passion. «Foolish, silly boy! And there! he trembles, as if I were really going to touch him! You needn't bespeak contempt, Linton; anybody will have it spontaneously at your service. Get off! I shall return home. It is folly dragging you from the hearthstone, and pretending – what do we pretend? Let go my frock! If I pitied you for crying and looking so very frightened, you should spurn such pity. Ellen, tell him how disgraceful this conduct is. Rise, and don't degrade yourself into an abject reptile – don't!»* (последнее слово в тексте представлено курсивом) [11. P. 273]. (2) *«And Irene's my wife», he thought, «my legal wife. I have done nothing to put her away from me. Why shouldn't she come back to me? It's the right thing, the lawful thing. It makes no scandal, no disturbance. If it's disagreeable to her – but why should it be? I'm not a leper, and she – she's no longer in love!»* (слово *should* в тексте представлено курсивом) [20. P. 100]. (3) *M. Chantal: Cristi, qu'elle était jolie à dix-huit ans... et gracieuse... et parfaite... Ah! La jolie... jolie... jolie... et bonne... et brave...et charmante fille!... Elle avait des yeux... des yeux bleus...transparents... clairs...comme je n'en ai jamais vu de pareils... jamais* [10. P. 279].

Второй шаг данного исследования предполагает распределение «женских» эмотивных текстов в соответствии с временным фактором: тексты XIX и XX вв.

Однако периодизация «женского» материала в рамках XX в. обусловлена таким экстралингвистическим фактором, как феминистское движение, которое пережило свою первую волну в начале и вторую волну во второй половине XX в. Предполагается, что феминизм должен был непосредственно оказать влияние не только на общую культуру европейского социума, но также и на речевое поведение женщин, поэтому представляется возможным разделение английских «женских» текстов на тексты 20–40-х гг. XX в. и на тексты 50–60-х гг. XX в. При этом в протестантской части Европы феминизм получил значительно большее развитие, нежели в южной (католической) части [22], что позволяет говорить о более поздней периодизации женского франкоязычного материала, в котором тексты делятся, соответственно, на тексты 50-х гг. и тексты 60–70-х гг. XX в.

Необходимо отметить, что в связи со сплошным характером выборки объём анализируемых текстов неодинаков. В частности, английский материал составляет 160 «женских» текстов XIX в., 82 – 20–40-х гг. XX в., 99 – 50–60-х гг. XX в.; французский материал, соответственно, представлен 62 «женскими» текстами XIX в., 22 текстами 50-х гг. XX в. и 354 текстами 60–70-х гг. XX в. Однако несмотря на небольшую представленность французских текстов XIX в. и 50-х гг. XX в., объём этих текстов достаточно большой. Например, среди французских «женских» текстов XIX в. имеется отрывок, включающий более 400 языковых единиц, а среди текстов XX в. – отрывок объёмом в 130 языковых единиц.

Специфика социальных явлений обусловила различия и в периодизации «мужской части» эмпирического материала текстов XX в. Логично предположить, что феминизм, повлёкший за собой изменения в женском речевом поведении, не затронул немедленно и в такой же степени мужское речевое поведение, включая вербализацию эмоций. В целом, англоязычный «мужской» материал составляют 292 текста XIX в., 111 текстов XX в., в то время как франкоязычный «мужской» материал – 120 текстов XIX в., 100 текстов XX в. Несмотря на небольшую представленность французских текстов XIX в., объём этих текстов впечатляет. Например, среди французских текстов XIX в. имеются отрывки, включающие более 100 языковых единиц.

В рамках **третьего шага** осуществляется индуктивный анализ индивидуальных текстов с целью обнаружения наиболее частотных женских и мужских предпочтений, касающихся выбора эмотивных средств.

Выполнение **четвёртого шага** предполагает определение количественной характеристики каждого из наиболее распространённых женских и мужских предпочтений в эмотивном тексте с одновременным построением таблиц. Для этого предварительно выстраивается пропорция, в которой за 100% принимается количество всех высказываний того или иного временного отрезка, а за $x\%$ – количество высказываний с обнаруженным языковым явлением.

Пятый шаг связан с проведением сопоставительного анализа женских и мужских предпочтений на материале одного языка (например, английского) для выявления внутриязыковых сходств и различий в спосо-

бах и средствах вербализации эмоциональности с учётом установленных критериев.

На шестом шаге предполагается сопоставление женских и мужских предпочтений на материале английского и французского языков с целью установления межъязыковых сходств и различий в эмотивных способах и средствах на основе предусмотренных критериев.

В целом, процесс сопоставительного анализа можно разделить на три этапа. Первый этап посвящён определению внутриязыковых сходств и различий на материале английского языка. Второй этап есть установление внутриязыковых сходств и различий во французском языке. На третьем этапе, на основе по-

лученных результатов предшествующих первого и второго этапов анализа языкового материала (табл. 1), рассматриваются межъязыковые универсалии и различия относительно эмотивных англоязычных и франкоязычных «женских» и «мужских» текстов. При этом на стыке межкультурных различий можно выявить, «какие черты гендера определяются биологическими характеристиками, а какие культурными» [4. С. 116]. В этой связи необходимо отметить, что при проведении анализа сопоставительного и лингвокультурологического направления принимается во внимание обусловленность эмотивности экстралингвистическими факторами.

Таблица 1

Этапы гендерного дискурсного сопоставительного анализа (на материале эмотивных текстов в английском и французском языках)

I этап	II этап	III этап
Внутриязыковые сходства и различия (письменная речь английских мужчин и женщин)	Внутриязыковые сходства и различия (письменная речь французских мужчин и женщин)	Стык межъязыковых сходств и различий (письменная речь английских мужчин и женщин; письменная речь французских мужчин и женщин)
Критерии анализа языкового материала: 1) типология номинаций в средствах вербализации эмоциональности с ингерентными и адгерентными свойствами; 2) частотность использования эмотивных средств; 3) изменение этой частотности в диахронном плане исследования		
Необходимо определить: больше сходств или различий <i>англоязычные сходства <, > или = англоязычные различия</i>	Необходимо определить: больше сходств или различий <i>франкоязычные сходства <, > или = франкоязычные различия</i>	Необходимо определить: совпадения или различия между внутриязыковыми универсалиями и различиями в английском и французском языках <i>(англоязычные сходства <, > или = англоязычные различия) = или ≠ (франкоязычные сходства <, > или = франкоязычные различия)</i>

В качестве иллюстрации рабочего потенциала предлагаемой методики рассмотрим сходства и различия в употреблении эмоционально-оценочных прилагательных мужчинами и женщинами английского лингвокультурного сообщества в синхронно-диахронном срезе.

Эмоционально-оценочные прилагательные относятся к разряду аффективов. Используя критерий эксплицитности, можно утверждать: если языковая единица обладает конкретным эмотивным значением в словаре, составляющим макрокомпонент её семантики, т.е. остаётся эмотивной даже вне контекста, то эта единица есть аффектив, эксплицитное средство вербализации. Применение указанного критерия позволяет отнести к аффективам эмоционально-оценочные прилагательные *awful*, *dreadful*, *great* и др. Дополнительным критерием в таком случае является наличие словарной пометы «экспрессивность» (*emphasizing*). Всё это вполне соответствует утверждениям лингвистов о тесной связи категорий эмотивности и экспрессивности [23. С. 65–67]. Так, В.И. Шаховский отмечает, что в «эмоциональных речевых актах эмотивная и экспрессивная функции слова могут реализовываться почти одновременно» [24. С. 291]. Действительно, нельзя не согласиться с мнением Р.М. Якушиной о том, что «категории оценки, эмотивности, экспрессивности – категории независимые, но очень часто тяготеющие друг к другу» [25. С. 34].

Особой частотностью в англоязычных «женских» текстах XIX в. отличается прилагательное *great* («informal used for emphasizing the most important feature of something») («неформально выражает важную особенность чего-либо») [26. С. 622]) – 3,1%: e.g. *Mrs. Musgrove: What a great traveller you must have been, ma'am!* [27. P. 69].

Эмоционально-оценочное прилагательное *awful* («used for emphasizing how unpleasant someone or something is») («выражает, насколько неприятен кто-либо или неприятно что-либо») [26. С. 422]) имеет высокий количественный показатель в 20–40-х гг. XX в. – 3,7%: e.g. *Vera: It's like some awful dream. I keep feeling that things like this can't help* [21. P. 235].

Оценочное прилагательное *dreadful* («used for emphasizing how bad something is») («подчёркивает, насколько что-либо плохо») [25. P. 422]) оказалось более частотным в 20–40-х гг. XX века – 2,4%: e.g. (1) «*Well, then of course you can't!*» *Libby exclaimed, laughing and staring. «But – do forgive me, in confidence, just between ourselves and I know I'm being dreadful – I find it hard to see Alice Imber getting religion»* [18. P. 100]. (2) *I'm terribly hot. I must be looking too dreadful* [21. P. 308].

Динамика использования эмоционально-оценочных прилагательных на материале английского эмотивного «женского» текста представлена в табл. 2. Лексические единицы, составляющие женские предпочтения, расположены в алфавитном порядке.

Анализ «мужских» текстов показывает, что в них наибольшей частотностью отличаются оценочные прилагательные в XX в. Например, *wonderful* – 1,8%: e.g. *My dear, it was grand. You were simply wonderful. Gosh, what a performance* [13. P. 291]; *great* – 0,9%: e.g. (1) *Scragga, son of Twala, the great king – Twala, husband of a thousand wives, chief and lord paramount of the Kukunas, keeper of the great road, terror of his enemies, student of the Black Arts, leader of an hundred thousand warriors, Twala the One-eyed, the Black, the Terrible* [9. P. 9]; (2) «*Great words, my father*» *answered the Zulu... «great swelling words fit to fill the mouth of a man...»* [9. P. 64].

Индекс использования эмоционально-оценочных прилагательных в женском дискурсе, %

Эмоционально-оценочные прилагательные	XIX в.	20–40-е гг. XX в.	50–60-е гг. XX в.
<i>absolute</i>	–	–	2
<i>awful</i>	0,6	3,7	1
<i>brilliant</i>	0,6	–	–
<i>delightful</i>	1,3	1,2	1
<i>dramatic</i>	–	–	1
<i>dreadful</i>	–	2,4	–
<i>extraordinary</i>	1,9	–	–
<i>grand</i>	0,6	–	–
<i>great</i>	3,1	–	1
<i>horrible</i>	–	1,2	–
<i>lovely</i>	–	2,4	–
<i>marvellous</i>	–	1,2	2
<i>scandalous</i>	0,6	–	–
<i>splendid</i>	0,6	–	–
<i>terrible</i>	–	1,2	–
<i>upset</i>	–	1,2	–
<i>wonderful</i>	–	1,2	2
ВСЕГО	160* / 9	82 / 15,7	99/10

* Данное число есть общее количество высказываний в анализируемой выборке текстов.

Следует отметить использование мужчинами-англичанами эмоционально-оценочных прилагательных, представляющих собой единицы ненормативной лексики, причём преимущественно в высказываниях XX в. Например, **filthy** («informal very offensive» («мерзкий»)) [26. P. 521]: *e.g. «I never heard such nonsense» he cried. «What a filthy mind you've got, Julia!»* [13. P. 70]; **dirty** («informal used for emphasizing how bad someone or something is» («подчёркивает, насколько что-либо плохо»)) [26. P. 389]):

*e.g. But damn it, I wouldn't play you a **dirty** trick like that* [13. P. 291]; **bloody** («impolite used for emphasizing that you are angry or annoyed about something» («выражает раздражение»)) [26. P. 137]: *e.g. ...I felt terribly sorry for you, I felt a **bloody** little hero...* [13. P. 268].

Таблица 3, приведённая ниже, отражает результаты исследования частотности эмоционально-оценочных прилагательных на материале «мужских» англоязычных текстов.

Таблица 3

Индекс использования эмоционально-оценочных прилагательных в мужском дискурсе, %

Эмоционально-оценочные прилагательные	XIX в.	XX в.
<i>absurd</i>	0,3	–
<i>awful</i>	0,3	–
<i>beautiful</i>	0,3	–
<i>bloody</i>	–	0,9
<i>dirty</i>	–	1,8
<i>idiotic</i>	0,3	–
<i>filthy</i>	–	0,9
<i>grand</i>	–	0,9
<i>great</i>	2	0,9
<i>lovely</i>	–	0,9
<i>marvellous</i>	–	0,9
<i>miserable</i>	–	0,9
<i>perfect</i>	0,3	0,9
<i>pleasant</i>	0,3	–
<i>precious</i>	0,3	–
<i>pretty</i>	0,6	0,9
<i>wonderful</i>	0,3	1,8
ВСЕГО	292*/5	111/11,7

* Данное число есть общее количество высказываний в анализируемой выборке текстов.

Анализ языкового материала позволяет выявить целый ряд внутриязыковых сходств в использовании эмоционально-оценочных прилагательных мужчинами и женщинами английского лингвокультурного сообщества:

1) в «мужских» и «женских» высказываниях часто используются одинаковые номинации эмоционально-оценочных прилагательных. Например, *awful, grand, great, lovely, marvellous, wonderful* (см. табл. 2, 3);

2) оценочные прилагательные отличаются наибольшей частотностью в «мужских» и «женских» тек-

стах XX в., что обусловлено культурно-историческими, социальными и другими факторами развития социума, влияющими на речевое поведение мужчин и женщин [28]; при этом высокий количественный показатель аффективов в «женских» текстах XX в. (15,7% в 20–40-х гг. XX в., 10% в 50–60-х гг. XX в.), по-видимому, связан с развитием феминистского движения в Европе, которое способствовало высвобождению женщины, что и диктует активное выражение чувств и эмоций в женской речи.

Наряду со сходствами анализ аффективов в «мужских» и «женских» высказываниях выявляет очевидные различия:

1) некоторые номинации оценочных прилагательных в «мужских» англоязычных текстах относятся к разряду ненормативной лексики;

2) «женские» англоязычные тексты XIX–XX вв. по сравнению с «мужскими» текстами отличаются наличием более высокого индекса встречаемости эмоционально-оценочных прилагательных (жен. 9% в XIX в., 15,7% в 20–40-х гг. XX в., 10% в 50–60-х гг. XX в. и муж. 5% в XIX и 11,7% в XX в.).

В целом результаты анализа использования эмоционально-оценочных прилагательных английскими мужчинами и женщинами не показывают превосходст-

ва универсалий над различиями или различий над универсалиями.

Таким образом, методика гендерного дискурсного анализа, апробированная на материале эмотивных «мужских» и «женских» текстов, способствует выявлению внутриязыковых сходств и различий. При этом учитываются факторы экстралингвистического характера. Полученные количественные данные относительно эмотивных текстов в английском и французском языках (согласно первому и второму этапам исследования) позволяют обнаружить межязыковые сходства и различия. Впоследствии установленные межязыковые сходства и расхождения позволяют произвести дифференциацию характеристик гендера с учетом биологических и культурных параметров.

ЛИТЕРАТУРА

1. Молчанова Г.Г. Английский как неродной: текст, стиль, культура, коммуникация: Учеб. пособие. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2007. 384 с.
2. Пиз А., Пиз Б. Почему мужчины врут, а женщины ревут. М.: Эксмо, 2003. 398 с.
3. Ключко О.И. Методология гендерных исследований: современное состояние и актуальные проблемы. Саранск: Мордов. гос. ун-т, 2008. 207 с.
4. Серова И.Г. Гендер. Язык. Ментальность. Тамбов: ТГУ, 2006. 218 с.
5. Иванова С.В. Лингвокультурологический анализ прагматикона языковой личности. Уфа: БашГУ, 2004. 133 с.
6. Табурова С.К. Гендерные аспекты речевого поведения парламентариев (на материале парламентских дебатов в ФРГ) // Социс. 1999. № 9. С. 84–92.
7. Austen J. *Pride and Prejudice*. Foreign Languages Publishing House. M., 1961. 388 p.
8. Sand G. *François le Champi. La Petite Fadette*. Éditions du Progrès. M., 1978. 432 p.
9. Haggard R. *King Solomon's Mines*. Progress Publishers. M., 1972. 224 p.
10. *Maupassant G. Contes et nouvelles*. М.: Прогресс, 1974. 336 с.
11. Brontë E. *Wuthering Heights*. Foreign Languages House. M., 1963. 367 p.
12. Mallet-Joris F. *Allegra*. М.: Radouga, 1985. 392 p.
13. Maugham S. *Theatre*. М.: Менеджер, 1997. 304 с.
14. Rolland R. *Jean-Christophe*. М.: Editions en Langues Etrangères, 1957. 452 с.
15. Арнольд И.В. Стилистика современного английского языка: (Стилистика декодирования): Учеб. пособие для студентов пед. ин-тов по спец. «Иностр. яз.». М.: Просвещение, 1990. 300 с.
16. Шаховский В.И. Лингвистическая теория эмоций. М.: Гнозис, 2008. 416 с.
17. Murdoch I. *The Sandcastle*. Л.: Просвещение, 1975. 216 с.
18. Johnson P. *The Humbler Creation*. Penguin Books, 1961. 321 p.
19. Woolf V. *Night and Day*. Penguin Books, 1976. 478 p.
20. Galsworthy J. *The Forsyte Saga*. Progress Publishers. M., 1974. 304 p.
21. Christie A. *Selective Detective Prose*. М.: Raduga Publishers, 1989. 400 p.
22. Водопьянова Е.В. Европейский феминизм: идеи и движение // Современная Европа. Институт Европы РАН. 2000. № 4. С. 60–69.
23. Исхакова З.З. Сопоставительный анализ эмотивности в свете гендера. Уфа: РИО БашГУ, 2007. 173 с.
24. Шаховский В.И. Категоризация эмоций в лексико-семантической системе (на материале англ. яз.): Дис. ... д-ра филол. наук. М., 1988. 402 с.
25. Якушина Р.М. Динамические параметры оценки: Дис. ... канд. филол. наук. Уфа, 2003. 179 с.
26. *English Dictionary for Advanced learners*. Macmillan Publishers Limited, 2002. 1692 p.
27. Austen J. *Persuasion*. Penguin Popular Classics, 1994. 261 p.
28. Репина Л.П. Женщины и мужчины в истории: новая картина европейского прошлого. М.: Рос. полит. энцикл., 2002. 352 с.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 22 января 2010 г.